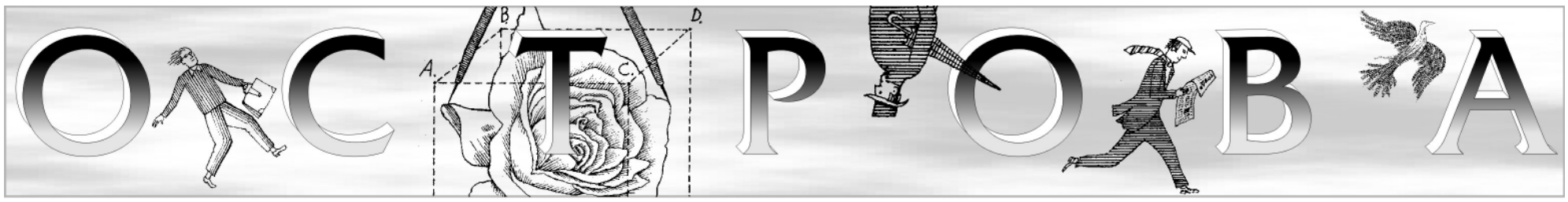

75 лет профессору, заведующему кафедрой электронных приборов и устройств Юрию Александровичу БЫСТРОВУ ну никак не дашь. Строен, подтянут, глаз горит. Кажется, готов покорить еще не одну вершину. Хотя 33 года был деканом факультета – абсолютный рекорд! Лауреат Государственной премии России. Чемпион Союза по гребле в 57-58-х годах. С 66-го года за рулем. И биография у него – богатейшая событиями.

Жизнь как история с продолжением

– Юрий Александрович, вы из кого родом?

– Не могу сказать, что родился в рабоче-крестьянской семье, но отец был потомственным рабочим. До революции он работал на Мало-Вишерском стекольном заводе. Ровно в 18 лет, когда революция свершилась, пошел в коммунистический отряд. Всю гражданскую войну был на фронтах. А потом, как всех мальчишек, которые до революции были неграмотными, его заставили учиться: он окончил в Пушкине сельскохозяйственный институт. Там и познакомился с моей матушкой. Она была на десять лет моложе его, из зажиточной семьи. Я у них единственный ребенок.

– Детство на войну пришлось: страшно было?

– Не то слово! Я вспоминаю: отцу дали лошадь с телегой, он погрузил меня, бабушку с мамой и сам сел. Нам надо было ехать либо в Ленинград, либо в Малую Вишеру. В Ленинграде у матери была забронирована квартира. Никто же не думал тогда, что Ленинград окажется в блокаде. Но почему-то мы решили ехать в Малую Вишеру. И это, может быть, нас спасло. Приехали мы в Новгород, а там все войсками забито. Нам нужно было через Волхов переправиться. Бомбежка страшная. А мы в каком-то лесочке среди деревьев. Самопроизвольный инстинкт – человек во время бомбежки бежит, хотя нужно сидеть на месте. Но люди в панике и похожи на стадо диких лошадей. Я бегу, передо мной бежит мужик. Разрывается бомба, и мужику осколком срезает голову. И без головы он продолжал бежать еще метров десять. Потом рухнул.

– Добрались до Малой Вишеры?

– Добрались. Это железнодорожная станция между Москвой и Ленинградом. Через нее эшелоны шли из Ленинграда с ранеными, эвакуированными, а по направлению к Ленинграду везли войска. И бомбежки были непрерывными. Приехали мы к родственникам отца. В дом попала бомба, и мать с теткой сильно ранило. А отец в это время был уже в Кировской области. Мать в госпитале, и мы с бабушкой остались вдвоем. Казалось бы, война, но почта работала великолепно. Отец послал телеграмму бабушке, что его назначили в Кировской области директором машинно-тракторной станции. Жить нам уже было негде. Решили, что нам вдвоем с бабушкой нужно ехать к отцу. По Октябрьской железной дороге – поезда в это время уже не ходили. И мы с бабушкой 200 километров шли до полустанка Ходцы. Тогда гнали скот – колхозные стада. При стаде ехало много семей колхозников. Мы к ним примкнули, в дороге опивались молоком, объедались сметаной и мясом: при бомбежках коров убивало, ранило. А взяли нас потому, что я гнал этих коров, а бабушка их доила.

– Получается, что вам повезло...

– Конечно. В 42-м году отца забрали в армию. Последнее письмо он написал в марте. И все. Когда закончилась война, мать пыталась что-то выяснить. И у нее есть справка: «На ваш запрос сообщаем: ваш муж, будучи верен присяге, пропал без вести...». Мы вернулись в Ленинград. Был 44-й год. В городе практически никого не было. Запомнилось, что витрины Елисеевского были забиты досками с песком. Дом наш разбомбили. А надо где-то жить. Мы с матерью пошли в ЖАКТ. За столом сидит огромная бабища в гимнастерке. Спрашивает: вам чего? Объясняем. Она, ни слова не говоря, вытаскивает из стола ящик, вываливает на стол кучу ключей – выбирайте. В 44-м году все квартиры пустовали. Мать говорит: я должна со своей мамой посоветоваться. Я присутствовал на этом совете двух женщин. Аргументы были такие: вдруг приедут хозяева, и если в квартире что-то украдено, подумают на нас.

– И ключи вы не взяли?

– Нет. А время было голодное. Матери предложили работу учительницы в школе в Колтушах, где Институт физиологии имени Павлова находился. Она поехала, и мы там с 44-го года жили. В Колтушах я окончил семилетку. А потом ходил три года в Ленинград на Пороховые – 12 километров, в 8-й, 9-й и 10-й класс.

– Каждый день 12 километров пешком туда и обратно?

– Утром из Колтушей ходил автобус за научными сотрудниками, которые жили в Ленинграде. Я понимал, почему они не в Колтушах жили, – в городе карточки отоваривались лучше. И мы с приятелем вдвоем подсаживались на этот автобус. А вот из школы – это как придется. Либо на попутной машине, либо пешком. А если еще и по морозу...

– Как созрела мысль в ЛЭТИ поступать?

– Случайно. У нас в школе был кружок радиолюбителей. Раненный на войне радист подрабатывал. С этого все и началось. Дома начал паять приемник детекторный. И когда я десятый класс окончил, для меня никаких сомнений не было, я уже все решил – буду поступать в ЛЭТИ. Учился я хорошо.

– И благополучно поступили?

– Да. И вот наступает 1 сентября, прихожу я в деканат радиотехнического факультета, получаю студенческий билет, в котором написано, что зачислен в группу 952 радиотехнического факультета. Ходим мы на лекции, все нормально. Сдаем первую зимнюю сессию. Я сдал на «отлично». После каникул возвращаемся, а нам и говорят: ребята, а вы не на радиотехническом факультете учитесь, вы учитесь на 5-м факультете, закрытом. Мы завозмущались: как так? Нам отвечают: вы не горячитесь, а идите на этот факультет, вам там все скажут. Двинулись туда, только раскрыли рты, а нам и говорят: идите в кассу, ребята.

– Хорошее начало...

– Да, пошли мы в кассу, и нам выдали разницу в стипендиях. Там, оказывается, стипендия была в два раза больше, чем на открытых факультетах. Нам выплатили разницу за пять месяцев. Я получил несколько тысяч – по тем временам это была куча денег. И когда я их принес домой, мать испугалась: она таких денег в руках не держала. Получала она в те времена 700 рублей. А стипендия у нас была 400. Я получал повышенную. Нам выплатили разницу за пять месяцев.

– А как вышло, что вы учились не там, где должны были?

– На тот факультет принимали не только по оценкам, но и по анкете. И проверяли нас полгода через все органы. Те, кто прошел, стали учиться на 5-м факультете. Он был организован, когда у нас в стране начали делать атомную бомбу. Проучился я на нем полтора или два года. И его «открыли». Преобразовали в электрофизический. А меня перекинули на ФЭТ. Я на трех факультетах учился.

– И везде хорошо?

– Я окончил институт с отличием. Обижаете...

– С греблей тоже случай свел?

– На ФЭТе в группе парень один учился. А у него отец – известный спортсмен. И этот парень занимался греблей. Он видит, что я рослый, и говорит: давай вместе в лодке грести. Как-то меня уговорил. И я 10 лет занимался академической греблей. Должен сказать, что неплохо. Мы в 57-58-х годах были чемпионами Советского Союза на «четверке» распашной с рулевым. Дважды были на первенстве Европы, ездили на международные соревнования. Первый раз в Европу мы поехали в 57-м году.

– Все сидели за «железным» занавесом, а вы нет?

– Да, так получилось. Причем поехали первыми после установления дипломатических отношений с Западной Германией. До этого мы ее не признавали. Накачивали нас страшно – ходить не меньше, чем по три человека, еще чем-то стращали. Когда мы туда приехали, увидели последствия войны. Но города были прибраны. С немцами не приходилось особо общаться. Нам дали по 300 марок. А в 50-е годы стал входить в моду нейлон. Летние нейлоновые перчатки всех цветов стоили одну марку. У нас один парень на все марки купил 300 перчаток. Здесь он их перепродал и купил автомобиль. А мы приобретали какую-то ерунду. Я купил водяной пистолет.

– Как же удалось 10 лет в лодке просидеть?

– После института – я окончил его в 54-м году – меня оставили на кафедре старшим лаборантом. Но я понимал, что надо насчет науки думать. У меня был заведующим кафедрой Феофан Николаевич Хараджа. Я его долго уговаривал, чтобы он меня принял в аспирантуру. Уговорил. Появилось время заниматься греблей. А когда мы стали чемпионами Советского Союза, да еще на первенстве Европы завоевали серебряные медали, нас зачислили в штат Спорткомитета, потому что чемпионам Советского Союза была положена стипендия. Спорткомитет вышел с ходатайством на ректора Николая Петровича Богородицкого с просьбой предоставить мне академический отпуск. Он сказал: раз хочет, пусть. И я получил два года отпуска, то есть продление аспирантуры.

– Как расставались с большим спортом?

– В 59-м году на первенстве Союза мы были третьими. Для начинающих третье место в Союзе – хорошо, а для чемпионов это уже проигрыш. После этой гонки я вылез из лодки и сказал: все, надо браться за ум. В 61-м году защитил диссертацию, в 63-м стал доцентом, в 64-м меня избрали в профком, я руководил спортивным сектором. В 65-м мне предложили стать секретарем ученого совета института. Там я тесно сотрудничал с ректором вуза Николаем Петровичем Богородицким. К этому времени моему заведующему кафедрой было уже за 70. В 66-м году, когда исполнилось тридцать пять, меня избрали заведующим кафедрой рентгеновских и электронно-лучевых приборов.

– Рано у вас научная карьера началась...

– Так это же хорошо. В 68-м году ректором стал Александр Александрович Вавилов. Выдающийся человек, прекрасный организатор и ученый с большим именем. Он сделал ставку на молодежь. В 72-м году вызывает меня к себе и говорит: надо тебе стать деканом. Я говорю: как же я могу им стать, если мой учитель – декан? Но – стал. К тому времени наш факультет находился в идеологическом кризисе. Он был организован в 46-м году и назывался электровакуумным. Через три года стал факультетом электронной техники. К 72-му году лампочки ушли со сцены, появились полупроводники, микросхемы. А этим направлением у нас активно занимался электрофизический факультет. Из кризиса мы выходили сообща. Когда я стал деканом, жизнь подсказала: нужно кардинально менять атмосферу на факультете – поднять на щит доверие друг к другу во всем и создать взаимозависимость и взаимовыручку.

– Жорес Иванович Алферов вам помог?

– Алферов свалился на нас в виде непредсказуемого дара. Это был июнь 73-го года. На нашем факультете организовали кафедру оптоэлектроники Физико-технического института, ее заведующим стал Алферов. Его приход с новой специальностью поднимал уровень подготовки факультета на много ступеней вверх. На факультет он пришел не с пустыми руками – привел из Физтеха 5 лауреатов Ленинской премии, 7 лауреатов Государственной премии, 15 докторов физико-математических наук и 2 членов Академии.

– Давно в лодку не садились?

– В 99-м году звонит мне приятель, с которым мы гребли, и говорит: не хватает одного номера в «восьмерке», садись с нами, выступим на первенстве Петербурга по старшим возрастам. Отвечаю: я сорок лет не брал весло в руки. Он меня уговорил. Садимся мы в лодку, выходим на старт. За 200 или 300 метров до финиша у меня свело ноги. Гребец, сидевший впереди меня, сказал: скрючься и мне не мешай. Я присел. И мы заняли второе место.

– Вы легко заводитесь?

– Нет. Я себя контролирую. Наорать на кого-то у меня и в мыслях нет. Гребля в «четверке» воспитала во мне самодисциплину и доверие к людям.

– Что читаете?

– Мемуарную литературу. Есть там, конечно, и макулатура. Но когда приоткрылось то, что раньше было в секрете, много интересного узнал – и о нашей истории, и о революции. Особенно когда прочитал Деникина.

– Чего никогда не простите другому человеку?

– Подлости.

Беседу вела
Наталья КУЗНЕЦОВА